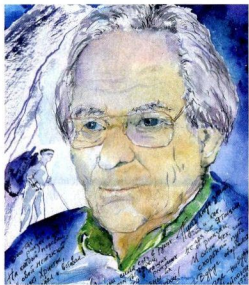

ЛИЧНОСТЬ

Человек с рюкзаком

Роберту Лейнонену, писателю и историку, художнику и поэту, переводчику и путешественнику, исполняется 90 лет.

Портрет Р. Лейнонена кисти Д. Гергенредера

Мне представляется высоченная отвесная скала, на вершине которой сияет маленькая звездочка. Но когда я прищуриваю один глаз, я вижу, что это вовсе не звездочка, а силуэт человека, который стоит на самом краешке этого гигантского сооружения природы и смотрит в необозримую даль. Только почему он потащился на такую высоту с таким тяжеленным рюкзаком?

...Если бы я была художником Робертом Лейноненом, я бы непременно написала автопортрет именно в таком ракурсе, ибо там, наверху, особенно сильно ощущается, как чертовски хороша жизнь, так хороша, что хочется наперегонки с эхом полчищачище кричать: «Эх! Прожить бы лет под двести! Жизнь так хороша...»

И мне было бы совсем не страшно стоять на самой кромочке и наблюдать за шаловливыми облаками, которые наперегонки несутся по синему-синему небу, напоминая легкостью и прозрачностью всех мадонн, встречавшихся мне в жизни.

И если бы я была поэтом-лириком Робертом Лейноненом, я бы притронулась к тому маленькому прозрачному облачку и воскликнула: «Ты мой восторг, мой трепет, мой экстаз, ты божество, мадонн иконостас». И я назвала бы его Даная, но не Рембрандтовской, а Лейноненской.

Я нашла бы там, на этой самой высоченной высоте, старую сосну и спросила бы у нее, помнит ли она Лермонтова и приходил ли к ней Гете, чтобы пофилософствовать под сенью ее кроны о смысле жизни и загадочности горных вершин. И если бы я была переводчиком Робертом Лейноненом, я бы раскрыла тайну того,

что великий Лермонтов вовсе не сделал перевод гениального стихотворения Гете «Über allen Gipfeln ist Ruh!...», а сотворил свое собственное «Горные вершины...», просто переняв идею неповторимого немецкого классика, вдохнув в романтического путника свой юношеский пыл.

Если бы я была историком Робертом Лейноненом, я бы сложила все свои исследования и познания в истории своего любимого города Петрограда, приплюсовала бы историю своей некогда большой немецкой семьи и всех финских родственников, добавила бы рассказы о друзьях, сгинувших в трудармейских лагерях далеких сибирских лесов. И написала бы тогстенную монографию, в которой страницы бы стонали от боли и жужли бы от тоски, что невозможно описать словами. И эта монография состояла бы из огромного количества мелких строчек, похожих на густую угольную пыль шахт, в которые спустилось так много наших земляков, а поднялись наверх единицы...

Если бы я была публицистом Робертом Лейноненом, я открыла бы свой тяжеленный рюкзак, переполненный дневниками и листочками-записками далекого прошлого, и отрыла бы в них записи из своего детства, в котором не было никаких проблем и мои немецкие тетушки лелеяли, холили и чуть ли не молили на меня. А мама пела мне перед сном:

«Ein Sträusslein am Hute,
Den Stab in der Hand
Geht lustig ein Wanderer
Von Lande zu Land».

И я бы непременно назвала поименно всех, кто помог мне стать тем Робертом Лейноненом, каким я стал...

А если бы я была журналистом Робертом Лейноненом, я бы писала о людях, которые меня окружали и окружают. И в первую очередь я бы сделала интервью с моей любимой и неутомимой спутницей

Милка. Рисунок Лейнонена шариковой ручкой

жизни Ириной Лейнонен. Я бы непременно спросила ее: «Как живется тебе, милая, со мной, таким непокорным, неповзрослевшим и до сих пор перебегающим улицы, не обращая внимания на багровый цвет светофора?»

Если бы я была фотографом Робертом Лейноненом, я сделала бы огромный, на полнеба, портрет моего любимого города Санкт-Петербурга и запечатлела бы, как «леннинградский дождик брызжет через сито». И себя на фоне моста Лейтенанта Шмидта – монушкой «без всяких там причин». А рядом со мной «шлепала бы в финских сапожках и полуфинском наряде» ты... И если бы я была просто Робертом Лейноненом, то глядя на эту фотографию, тихонечко запела бы: «Неписуемо красиво! Непередаваемо! Жить хочется! Жить. И я живу! Буду жить!»

Роза ШТЕЙНМАРК

Рюкзак

Идет старик. Несет рюкзак.
Дуло сонуло. Вот чудак!
— Скажи, папаша! В чем нужда,
Таскается с ним туда-сюда?
— Сынок, и я когда-то шел
По жизни налегке.
И жить мне было хорошо,
И пусто в рюкзаке.

Но год от года за спиной
Вос рос мой кузовок.

Нашли финскую войной
Армейский вещмешок.
Войны второй ввалился груз,
Блабоды и мороз.
Флашкет кричал:
— Сдавайся, русс!
А я мешок свой нес.

Тащил рюкзак пятнадцать лет
По ссылке, все продуд.
И лишь за то, что бабкин дед —
Немецкий степкодуз.
В лицо влевок: «Ты немец, гад!
Забудь качать права!»
Там, в рюкзаке, они лежат,
Те тяжкие слова.

Вот так всю жизнь рюкзак и нес
На каждый перевал,
Как свой неелекий крест Христос,
И падал и вставал...
Не думай, сын, что я один!
Нас много стариков,
Не разогнуть которым спин
Под грузом рюкзаков.

А если сила есть в руках,
И духом ты герой,
Порой в наших рюкзаках
И тайны их раскрой!
Пусть люди знают, что и как,
Не зря же я тащил рюкзак,
И сотни тех, чей скорбный путь
Вдруз обварвался где-нибудь...

Роберт ЛЕЙНОНЕН